

Габби и Даниэлю

*Спасибо, что подарили мне такую любовь, которую
я никогда не считал возможной, и дали мне не только
источник вдохновения, чтобы исполнить свои мечты,
но и стремление служить вам примером, чтобы вы могли
сделать то же самое*

Mike Massimino

SPACEMAN

An Astronaut's Unlikely Journey
to Unlock the Secrets of the Universe

Майк Массимино

АСТРОНАВТ

Необычайное путешествие
в поисках тайн Вселенной

Перевод с английского

Москва
2018

УДК 629.78
ББК 39.68
МЗ1

Переводчик Виктория Краснянская
Научный консультант Антон Первушин
Редактор Антон Никольский

Массимино М.

МЗ1 Астронавт: Необычайное путешествие в поисках тайн Вселенной / Майк Массимино ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 356 с.

ISBN 978-5-91671-760-0

В детстве Майкл Массимино по прозвищу Масса мечтал стать Человеком-пауком, но в июле 1969 года он вместе со всем миром увидел, как прогуливают по Луне Нил Армстронг и Базз Олдрин, и навсегда заболел мечтой о полете к звездам. На этом пути его поджидали препятствия, казавшиеся непреодолимыми: Майкл страдал страхом высоты, у него было плохое зрение, он проваливал важные экзамены. Однако упорство и верность мечте сделали свое дело: он не только сумел стать уникальным специалистом в области практической космонавтики, разработав программное обеспечение для роботизированного манипулятора, но и сам дважды слетал на орбиту, приняв участие в миссиях по ремонту телескопа «Хаббл». Более того, сегодня Майкл Массимино — один из тех, кто олицетворяет собой современную космонавтику: он первым придумал писать в Твиттер из космоса и играет самого себя в популярном телесериале «Теория Большого взрыва». Его книга — это драматическая и мотивирующая история о том, как мечта превращается в реальность, о дружбе и взаимовыручке, о передовой науке и изощренных технологиях. А еще эта книга рассказывает о том, зачем человечеству летать к звездам. Астронавтами не рождаются, ими становятся.

УДК 629.78
ББК 39.68

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-760-0 (рус.)
ISBN 978-1-101-90354-4 (англ.)

© Michael J. Massimino, 2016
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Чудовище из научной фантастики	7
--	---

Часть 1. «Когда вырасту, хочу стать Человеком-пауком»

1 Идеально хороший	17
2 Самый разносторонний	29
3 «Кем ты хочешь стать?»	38

Часть 2. Может быть, ты не создан для этого

4 Соревнование самых умных	51
5 Тактильная обратная связь	60
6 Человеческие факторы	71
7 Признан негодным	80
8 Да или нет	98

Часть 3. Парни что надо

9 Скорость — один мах	115
10 Если у тебя проблема	131
11 Прогулка в открытом космосе	145
12 Способ Шеклтона	155

Часть 4. Дверь в космос

13	Видеть дальше звезд	171
14	К полету готов!	183
15	В невесомости.....	204
16	Земля — это планета	216
17	Может быть, это небеса.....	230

Часть 5. Русская рулетка

18	Истории о космосе.....	243
19	1 февраля 2003-го	256
20	Зачем мы летим	271

Часть 6. Оно того стоит

21	Феникс из пепла.....	291
22	Наша последняя работа.....	303
23	Строка 28	316
24	Опускаясь на Землю	334

Эпилог. За следующим поворотом.....	345
Благодарности	352
Использованные в книге фотографии принадлежат	353
Об авторе	354

ПРОЛОГ

Чудовище из научной фантастики

1 марта 2002 г. я впервые покинул Землю. Я взошел на борт космического шаттла «Колумбия» и поднялся на 560 км вверх, на орбиту. Это был особенный день, день, о котором я мечтал лет, наверное, с семи, день, ради которого тренировался в поте лица с того времени, как НАСА приняло меня в космическую программу шесть лет назад. Но хотя я так долго ждал и планировал это путешествие, я все равно был не готов. Ничего из того, что вы делаете на этой планете, не может по-настоящему подготовить вас к тому, что на самом деле придется испытать, покинув ее.

Задачей нашего полета STS-109 было обслуживание космического телескопа «Хаббл». В команде было семь человек — пять ветеранов и два новичка — я и мой приятель Дуэйн Кэри, парень из военно-воздушных сил (BBC). Каждый астронавт получает свое прозвище, и мы называли его Диггером. Из-за моего имени и из-за роста в 190 см меня прозвали Масса.

Мы должны были стартовать ночью. В три утра мы вышли из помещения экипажа в Космическом центре Кеннеди к автобусу, который ждал нас, чтобы отвезти на стартовую площадку. Это всего лишь второй запуск шаттла после нападений террористов 11 сентября, поэтому вокруг кружат вертолеты и сто-

ят парни из SWAT* с самыми огромными автоматическими штурмовыми винтовками, какие я когда-либо видел. Запуски всегда требуют особых мер безопасности, но сейчас обычного их уровня показалось мало. Диггер стоит около меня.

— Вау! — восклицает он. — Посмотри на охрану! Это, наверное, из-за 11 сентября.

— Не знаю, — говорю я. — Думаю, они здесь, чтобы убедиться, что мы точно залезем в шаттл, а не сбежим.

Я начинаю нервничать. На что я вообще согласился? Могу поклясться, один парень из SWAT все время пялится на меня. Он не высматривает потенциальных террористов, а смотрит только на меня. Такое ощущение, что его глаза говорят: «Даже не думай о том, чтобы удрать отсюда, приятель. Теперь уже слишком поздно. Ты сам вызвался добровольцем, так что полезай в автобус».

Мы садимся в автобус и едем к стартовой площадке. Вокруг темно — хоть глаз выколи. Единственное светлое пятно на горизонте — сам шаттл, который становится все больше и больше, когда мы подъезжаем: орбитальный ракетоплан и два твердотопливных ускорителя, по одному с каждой стороны огромного ржаво-оранжевого топливного бака. Все это сверху донизу залито потоками света.

Водитель автобуса останавливается у стартовой площадки, выпускает нас, потом разворачивается и торопится выбраться из опасной зоны. Мы всемером стоим, задрав головы, и смотрим на гигантский космический корабль, уходящий ввысь, на высоту 17-этажного дома над подвижной стартовой платформой. Я видел шаттл множество раз во время тренировок и тестовых прогонов. Но тогда бак был сухой, без жидкого кислорода и водорода, из которых состоит ракетное топливо. Его залили только вчера вечером, потому что с топливом ракета превращается в бомбу.

* От англ. Special Weapons and Tactics (специальное оружие и тактика) — спецназ полиции США. — *Прим. ред.*

От шаттла доносятся жуткие звуки. Я могу расслышать, как работают топливные насосы, металл стонет и изгибается из-за очень холодного топлива, температура которого составляет сотни градусов ниже нуля. Ракетное топливо сгорает при очень низкой температуре, поэтому при старте образуются огромные клубы пара. Стоя на площадке и глядя вверх, я ощущаю мощь этой штуки. Она выглядит как поджидающий нас зверь.

Я постепенно начинаю осознавать, что же мы собираемся сделать. Парни-ветераны, которые уже летали раньше, до меня, в возбуждении «дают друг другу пять». Я с ужасом смотрю на них, думая про себя: «Вы ненормальные, да?! Неужели вы не понимаете, что мы собираемся пристегнуться к летающей бомбе, которая забросит нас в небо на сотни километров?»

«Надо поговорить с Диггером, — думаю я. — Диггер такой же новичок, как и я сам, но он летал на истребителе F-16 во время войны в Ираке. Он ни черта не боится. Я поговорю с ним и сам стану смелее». Я поворачиваюсь к товарищу и вижу, что он с упавшей челюстью смотрит вверх на шаттл, выпучив глаза. Он словно в трансе. Похоже, он испытывает те же эмоции, что и я. Говорю ему:

— Диггер.

Он молчит.

— Диггер!

Снова молчание.

— *Диггер же!*

Он стряхивает с себя оцепенение и поворачивается ко мне. Диггер бледен, как привидение.

Меня часто спрашивают, страшно ли лететь в космос. В тот момент — да, мне стало страшно. До того я мечтал о полете и был слишком занят тренировками, чтобы чувствовать страх, но, когда я ступил на площадку стартового комплекса, меня пронзила мысль: может, это была не лучшая идея — лететь?! Это же настоящая бомба! Как все-таки глупо. Как я вообще влип в это дело? Но теперь деваться уже некуда.

Во время подготовки к запуску ты переживаешь настоящую адреналиновую бурю, но в то же время сам этот процесс затяжной и утомительный. От подножия башни комплекса лифт поднимает тебя на 28 м к платформе обслуживания. Там нам предстоит одна деликатная остановка — ее называют «последний туалет на Земле», — после чего нужно подождать. Затем ребята из наземной obsługi одного за другим проводят членов экипажа по трапу-мостику, ведущему от башни обслуживания к самому шаттлу. Ты можешь пробыть на платформе довольно долго, ожидая своей очереди. Наконец доходит дело до тебя, и, пройдя по трапу, ты оказываешься в маленькой, выкрашенной в белое комнате, где тебе помогают надеть парашют. После этого ты можешь помахать на прощание своей семье в объектив камеры, работающей на внутреннюю трансляцию, и шагаешь через кромку люка шаттла. Ты попадаешь на среднюю палубу, где находятся спальные места экипажа. Если подняться по короткой лесенке, можно попасть в кабину шаттла. Оба помещения небольшие: корабль изнутри маленький и уютный. Четверо астронавтов, в том числе командир и пилот, в ожидании запуска сидят в кабине. У них там есть окна. А трое других остаются на средней палубе.

Наземная команда пристегивает тебя к креслу. Также они помогают закрепить шлем на горловине оранжевого скафандра, который используется во время запуска и посадки корабля. Ты проверяешь запас кислорода и состояние оборудования скафандра. А потом просто лежишь и ждешь. Если ты, как я, оказываешься на средней палубе, где нет никаких окон, то смотреть тебе не на что, кроме ряда шкафчиков перед носом. Так придется провести несколько часов в ожидании окончания всех предстартовых процедур. В это время ты болтаешь с товарищами по команде и ждешь. Можно поиграть в крестики-нолики на укрепленном на колене планшете. Ты ждешь, что скоро полетишь в космос, но все еще может обернуться иначе. Центр управления полетом НАСА может отменить пуск в последнюю минуту, если вдруг испортится погода или возникнут сомне-

ния в готовности корабля, и никогда нельзя быть уверенным, что полет состоится, пока шаттл не оторвется от земли. Когда до момента пуска остается меньше часа, ты начинаешь оглядываться на товарищей, думая: «О'кей, кажется, мы действительно полетим!» Потом остается 30 минут до пуска. Потом 10. Потом лишь одна минута. И вот тут дела принимают серьезный оборот.

На последних секундах обратного отсчета запускаются вспомогательные силовые установки. На стартовом комплексе этот зверь тебя пугал? Вот теперь он просыпается. За шесть секунд до старта ты слышишь, как извергают огонь маршевые двигатели. Весь корабль в этот момент подается вперед и слегка наклоняется. На счете «ноль» он вновь рывком выпрямляется — это вспыхивают твердотопливные ускорители, и вот тут ты и взлетаешь. Не возникает вопроса, летишь ты или нет. Нет мысли: «Мы уже движемся?» Совсем иначе. Это вот так: ба-бах! — и ты взрываешься! Еще до того, как башня обслуживания остается внизу, ты движешься быстрее 150 км/ч. От нуля до 28 000 км/ч тебя разгоняет за каких-то 8,5 минуты.

Это как во сне. Я чувствую себя так, будто какой-то огромный фантастический монстр наклонился, схватил меня поперек груди и вместе со мной взмывает в высоту, и мчится все выше и выше, а я ничего не могу поделать. Сразу после старта я понимаю, что все эти тренировки на случай, если во время пуска что-то пойдет не так — эвакуация из кабины шаттла, использование парашюта, подготовка к аварийной посадке, — все затраченные на это годы тренировок, понимаю я, были совершенно бессмысленны. Они нужны лишь затем, чтобы заполнить наше сознание чем-то, что придало бы нам смелости залезть внутрь этой штуковины. Потому что если уж она упадет, то она *упадет*! Все будет или очень хорошо, или очень плохо, и нет никаких промежуточных вариантов. Вся кабина шаттла заполнена аварийными надписями и табличками, которые говорят, что делать и куда бежать, если что. Вся эта ерунда нужна лишь затем, чтобы тебе было что почитать перед смертью.

Спустя примерно минуту полета первое потрясение проходит, и на меня накатывает новое чувство. Я вдруг понимаю, что лечу далеко-далеко. Действительно очень далеко. Это не просто «пока-пока», а настоящее *«прощай»*. Бывало, я покидал дом и отправлялся в отпуск или путешествие по дорогам страны, летел в Калифорнию или ходил в походы в Восточном Техасе. Но в этот раз мой дом, мой надежный причал, к которому я возвращался всю жизнь, остается настолько безнадежно позади, как никогда раньше. Вот что я понимаю: я впервые удаляюсь от дома по-настоящему.

Путь до орбиты занимает всего 8,5 минуты. Именно столько ты сидишь и думаешь, пришел твой последний день или все же еще пока нет. Говорить нельзя, потому что твой микрофон включен, и ты не можешь ляпнуть что-нибудь глупое по общему каналу и отвлечь на себя внимание. Не время умничать. Ты просто лежишь и поглядываешь на товарищей, твои уши закладывает от оглушительного грохота двигателей, и ты чувствуешь, как шаттл сотрясается и дрожит, вырываясь из плена земной атмосферы. Примерно через 2,5 минуты перегрузка возрастает до 3g, и это значит, что твое тело весит втрое больше, чем обычно. Как будто бы тебе на грудь высыпает кучу кирпичей. Все вместе можно описать как акт узаконенного насилия, а также как самый великолепный образчик человеческого стремления к скорости и мощи.

Когда атмосфера остается позади, подрываются болты, которыми к нам был привинчен топливный бак. Ты слышишь сквозь стены шаттла эти два приглушенных взрыва — паф-паф! — и вот топливный бак сброшен, двигатели смолкают и все заканчивается так же внезапно, как и начиналось. Рев обрывается, тряска прекращается, и становится тихо, как в могиле. Слышен лишь тихий шелест вентиляторов охлаждения какого-то оборудования. Вокруг тебя зловещий покой.

Ты в космосе.

Теперь, когда двигатели отключены и мы на орбите, шаттл больше не ускоряется. Тебе кажется, что он остановился. Ты

мчишься со скоростью 28 000 км/ч, но внутреннее ухо твердит мозгу, что ты стоишь на месте. Твоя вестибулярная система работает в условиях земного тяготения, при отсутствии которого соответствующих сигналов не поступает и система считает, что ты неподвижен. Поэтому, когда двигатели смолкают, ощущение такое, что ты мчишься-мчишься вперед и вдруг останавливаешься. И тебе кажется, что ты сидишь на стуле где-нибудь в гостиной, лишь с той разницей, что ты все еще распластан и пристегнут. Это совершенно сбивает с толку.

Первое, что я спрашиваю сам у себя: «Эй, ты жив?» Приходится чуть подумать, прежде чем ответить: «Ага, жив». У нас получилось. Мы взлетели благополучно. Минуту или две я пытаюсь сориентироваться. И тогда, начиная привыкать к новой обстановке, понимаю: пора работать. Я поднимаю руки и снимаю шлем. И, в точности как Том Хэнкс в фильме «Аполлон-13», выставляю его перед своим лицом и отпускаю — и шлем парит в воздухе передо мной, невесомый.

часть

1

**«Когда вырасту,
хочу стать Человеком-пауком»**

ИДЕАЛЬНО ХОРОШИЙ

Первая неделя в отряде астронавтов очень похожа на первую неделю на любой другой работе. Ты ходишь на собрания, заполняешь бумаги, выясняешь особенности новой медицинской страховки. На первой неделе мне и ребятам из моего набора повезло. Именно в это время в Космическом центре имени Линдона Джонсона проходила встреча астронавтов. В ней участвовали практически все живые легенды из программ «Меркурий» и «Аполлон», в том числе Нил Армстронг, первый человек, ступивший на Луну. Мой герой. Герой для всех.

Наш куратор Пейги Молтсби была для нас настоящей матушкой-наседкой, которая вела своих новых цыплят через тернии программы подготовки. Она попросила Нила Армстронга поговорить с нами. Он согласился, но сказал, что будет говорить только с нами, свежее испеченными астронавтами, — ему не нужны большая аудитория и большое скопление публики.

Однажды я уже видел Армстронга. В 1989 г., во время постдипломного обучения, я проходил практику в Центре космических полетов имени Маршалла в Хантсвилле, Алабама. В то лето там с размахом отмечали 20-летнюю годовщину посадки на Луну. На юбилее присутствовали Армстронг и другие члены команды: Базз Олдрин и Майкл Коллинз. Из дальне-

го конца зала, куда набилось несколько сотен людей, я видел, как Нил произносит речь, но мне не удалось ни встретиться с ним лично, ни пожать ему руку. Теперь, семь лет спустя, я не только встречаюсь с ним, но познакомлюсь как *астронавт*. Круче этого ничего не могло быть.

Правда, фактически я еще не был астронавтом. Когда проходишь отбор в НАСА, становишься кандидатом в астронавты (ASCAN*). Для встречи с Армстронгом всех кандидатов собрали в конференц-зале астронавтов — помещении № 6600 в здании 4S. Это очень важное помещение. У каждого полета НАСА есть собственная эмблема, которая должна увековечить миссию и имена астронавтов, участвовавших в ней. На стенах конференц-зала висят эмблемы всех экспедиций, начиная с первого полета Алана Шепарда на «Меркурии» в 1961 г. Когда тудаходишь, ощущаешь всю историю этого места. Цель каждого астронавта, входящего в конференц-зал, — оставить свое имя на стене. Мы сгруппировались вокруг стола для совещаний, как любопытные школьники. Армстронг вошел и несколько минут говорил с нами. Он был пожилым, но не старым: редкие волосы, очки, пиджак и галстук. Нил казался сердечным и дружелюбным, но в то же время был человеком, к которому можно обращаться только с глубочайшим уважением. Когда он встал и заговорил, оказалось, что он говорит очень тихо и даже стесняется.

Армстронг беседовал с нами около 15 минут и за все это время ни слова не сказал ни о прогулке по Луне, ни о том, что значит быть астронавтом. Вместо этого он рассказывал о тех днях, когда был пилотом-испытателем на базе ВВС США «Эдвардс» в Калифорнии и летал на X-15, сверхзвуковом ракетоплане, который побил все рекорды по скорости и высоте в 1960-е гг., поднявшись на 63 км над поверхностью Земли — до верхней границы атмосферы, почти до края космоса. Именно так Нил Армстронг думал о себе — как о пилоте. Не как о первом чело-

* От англ. Astronaut Candidate. — *Прим. пер.*

веке, ступившем на Луну, а как о парне, который любил летать на крутых самолетах и радовался, что у него была возможность это делать.

Думаю, уделяя особое внимание тому времени, когда он был летчиком-испытателем, а не первым человеком, ступившим на Луну, Армстронг пытался сказать нам, что жизнь не должна быть подчинена достижению одной великой цели, потому что, когда эта цель будет достигнута, жизнь пойдет дальше. Что тогда будет вдохновлять тебя? Очень важно, чтобы у тебя была страсть, что-то, что ты любишь делать, когда самой большой радостью для тебя будет вставать с утра и каждый день заниматься любимым делом. Для Армстронга это был полет. Он говорил: «Ну да, я летал на Луну, но еще я летал на X-15». Сам факт того, что он летал на этих самолетах каждый день, делал его самым счастливым человеком на свете.

Закончив говорить, Армстронг ответил на несколько вопросов и согласился подписать фотографии. Он стоял во главе стола для совещаний, а мы выстроились в очередь, чтобы пожать ему руку и получить автограф. Я был почти в самом конце и, пока продвигался вперед, заметил, что все говорят одно и то же. Каждый рассказывал Армстронгу, где находился в тот миг, когда увидел его прогулку по Луне. Когда я стал астронавтом, мне было 33 года, и я был одним из самых младших в наборе. Это означало, что все в очереди были достаточно взрослыми, чтобы помнить первую посадку на Луну и всем было что сказать: «Я был у своей девушки». «Я был в подвале родительского дома». «Я был в горах Катскилл». И так далее, и тому подобное. Поскольку каждый человек на Земле знает, где Армстронг был 20 июля 1969 г., то почему бы не рассказать ему, где в это время был ты? Я понял, что из этого состояла вся жизнь этого человека в последние 27 лет. Каждый божий день каждый новый знакомый рассказывал ему одно и то же, и он вежливо слушал, кивал и улыбался.

Я решил, что поступлю как-нибудь по-другому. Когда подошла моя очередь, вместо того чтобы рассказать свою историю,

где я был во время посадки на Луну, я пожал Армстронгу руку и спросил:

— У вас так каждый раз, когда вы встречаетесь с людьми? Они рассказывают вам, где были, когда вы гуляли по Луне?

— Ну да.

— И вы много таких историй слышите?

— Да, так все время.

— А это вас не раздражает?

Он пожал плечами:

— Не-а, все в порядке.

Я так и не рассказал Нилу Армстронгу, где я находился, когда он гулял по Луне. Я не хотел этого делать, даже когда он сказал, что все в порядке. Но я отлично помню, где я находился, потому что это был момент, который изменил мою жизнь. Мне было шесть лет (скоро должно было исполниться семь), и мы сидели в нашей гостиной у черно-белого телевизора с родителями и моей сестрой Фрэнни, которой было 13 лет. Она завернулась в розовый халатик, а я был в бейсбольной пижаме в тонкую полоску, поношенной и истрепанной, — я получил ее в наследство от моего брата. Родители мамы жили наверху, и они спустились, чтобы вместе с нами посмотреть посадку на Луну.

Я просто приклеился к телевизору. То, что Нил Армстронг делает первые шаги по Луне, просто «взорвало» мой мозг. Но то, что я видел это по телевизору, делало произошедшее событие почти обыкновенным, как будто мне показывали какое-то старое телевизионное шоу. Когда я вышел на улицу после трансляции, я подумал о том, как это все невероятно. Помню, как я стоял во дворе перед нашим домом, долго смотрел на Луну, думая: «Ух ты, теперь там гуляют люди!» Для шестилетнего мальчика из пригорода Лонг-Айленда это было самое волнующее событие на свете — что-то, что глубоко запало мне в душу.

Прогулка по Луне была прекрасным мгновением для меня и для всей страны. Жизнь дает нам не так уж много подобных

минут. Все любили астронавтов с «Аполлона»: мой отец, моя сестра, мои друзья, мои учителя. Ни одна публичная фигура никогда не добивалась такого абсолютного всеобщего восхищения. Особенно в те времена. Кончались 1960-е гг., и все вокруг как будто сошло с ума. В людей стреляли. Мартин Лютер Кинг-младший и Бобби Кеннеди были убиты. Вьетнам разрывал страну на части. Каждое лето вспыхивали беспорядки. И посреди всего этого на одну ночь весь мир остановился и посмотрел на одну и ту же вещь — идеально прекрасную.

Помню, даже в том возрасте я думал: «Это самое важное из того, что происходит сейчас — и не только сейчас, а вообще. Это обозначит наше присутствие на этой планете: мы были первыми людьми, которые ее покинули». Нил Армстронг, Базз Олдрин и Майкл Коллинз были исследователями космоса. Люди будут читать про них через 500 лет, как мы читаем сейчас о Христофоре Колумбе. Эти люди стали моими героями. Они стали лучшим примером самых крутых парней.

В 1969 г. мне исполнилось семь лет, а в таком возрасте всегда есть что-то, что делает каждый год в твоей жизни особенно памятным. Для меня в тот год случились две вещи: «Аполлон-11» сел на Луну и — что было еще невероятнее — «Метс»* выиграли в Мировой серии 1969 г. Космос и Главная лига бейсбола стали моей самой большой страстью. Лучший питчер «Метс» Том Сивер стоял в моем списке детских героев сразу после моего отца и астронавтов с «Аполлона-11». Но в ночь посадки на Луну до Мировой серии оставались еще многие месяцы. В ту ночь я сказал себе: «Больше ничего не имеет значения. Вот оно. Вот кем я хочу быть». Стать астронавтом — это было не просто круто, это была самая важная вещь, которой только можно заниматься в жизни.

С этого момента я стал одержимым космосом так, как только маленький мальчик может быть одержим чем-нибудь. Я мог

* «Нью-Йорк Метс» (New York Mets) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола. — *Прим. пер.*

говорить только об этом. В школьном летнем лагере у нас был космический парад в честь посадки на Луну. Дети должны были одеться в костюмы, имеющие отношение к космосу. Я хотел костюм астронавта. Моя мама была мастерицей на все руки. Она взяла костюм серого слоненка, который сшила для меня, когда я участвовал в постановке в первом классе, отрезала от него хвост, приколола несколько армейских медалей отца и пришила на левый рукав американский флаг. Мы заменили картонные слоновьи уши на пластиковый блестящий черный шлем Стива Каньона, добавили защитные «очки-консервы», и у меня получился костюм астронавта.

Мой брат Джо работал тем летом в центре Манхэттена, и однажды в обеденный перерыв он пошел в магазин игрушек FAO Schwarz и купил мне игрушку — астронавта Снупи*. Он был примерно 20 см в высоту и одет в космический скафандр с «Аполлона»: шлем, система жизнеобеспечения, лунные ботинки и т. д. Я все еще помню, как увидел Джо, идущего к дому от автобусной остановки с коробкой, в которой был Снупи. Я распаковал игрушку прямо перед домом. Все лето я не снимал костюм астронавта, который сделала для меня мама, и только и делал, что играл на заднем дворе в космические полеты с моим астронавтом Снупи. Я возился с этой игрушкой, пока она не истрепалась, на ней не потрескалась эмаль и не оторвалась одна нога. (Снупи все еще со мной, только теперь он побывал в космосе по-настоящему.)

Я был одержим мыслью, как бы узнать больше об астронавтах. Публичная библиотека была прямо за углом на улице Линкольн, я просиживал в ней целые дни и читал все, что мог найти, о космической программе. Книг было немного, но я подробно изучил все и перечитал их по несколько раз. В библиотеке была книга о первых астронавтах программы «Меркурий» «Нас семеро» и еще одна книга о Гэсе Гриссоме, который погиб

* Снупи (от англ. Snoopy — «любопытный») — вымышленный пес породы бигль, популярный персонаж серии комиксов Peanuts. — *Прим. пер.*

во время пожара «Аполлон-1» на стартовом комплексе Космического центра имени Кеннеди. Я читал журналы *Time* и *Life* и все остальное, что попадалось в библиотеке, — все, до чего только мог добраться.

Той осенью я пошел во второй класс и в школе говорил только о космосе. Я стал настоящим экспертом в этой области. Моим лучшим другом тогда был Майк Квареквио по прозвищу Кью, с которым мы дружим по сей день. Он вспоминает, как в первый день занятий я вошел в класс, рассказывая о скафандрах для выхода в открытый космос, о системе охлаждения, которая в них используется, и о том, как работает система жизнеобеспечения. Я стал известен как «мальчик, который больше всех в классе знает о космосе». Я мог назвать имена всех астронавтов и характеристики ракет, которые использовались для полетов. Я знал о космосе все, что только мог узнать семилетний мальчик с Лонг-Айленда.

Но хотя я был одержим космосом, я никогда не увлекался историями о Флэше Гордоне* и Баке Роджерсе**. Колонии в космосе, иные измерения и полеты на ракетных ранцах — это все было слишком неправдоподобным. Я любил научную фантастику, такую как романы Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», «Двадцать тысяч лье под водой» и «С Земли на Луну». Что мне нравилось в историях Жюль Верна, так это то, что они заставляли меня чувствовать: все происходит по-настоящему. Это была научная фантастика, но ты видел, что все правдоподобно, так, как бывает в реальном мире. В «Путешествии к центру Земли» герои прокладывают себе путь кирками и лопатами. В романе «С Земли на Луну» Жюль Верн точно предсказал многое о космических полетах — от металла, который герои

* Флэш Гордон — вымышленный персонаж одноименного научно-фантастического комикса, впервые вышедшего в 1934 г. — *Прим. пер.*

** Бак Роджерс — вымышленный персонаж, впервые появившийся в новелле Филипа Нолана *Armageddon 2419 A.D.*, вышедшей в 1928 г. Приключения Бака Роджерса в комиксах, фильмах, радиопостановках и телепередачах стали важной частью массовой культуры в США. — *Прим. пер.*

использовали для строительства космического корабля, до способа запуска, при котором вращение планеты используется, чтобы придать кораблю дополнительную скорость. И писатель смог все это представить еще в 1865 г.!

Я не интересовался фантастическими рассказами о космических путешествиях. Я интересовался тем, как космические полеты происходят в реальности. Мне надо было знать, как люди могут полететь в космос, а на тот момент единственным способом попасть туда было вступить в программу НАСА, то есть получить американский флаг на левый рукав и «оседлать» ракету «Сатурн-5». У меня была только одна проблема: там, где я жил, дети не становятся астронавтами, когда вырастают.

Многие люди, когда знакомятся со мной, не верят, что я побывал в космосе. Они говорят, что я выгляжу как парень, который работает в маленьком магазинчике в Бруклине и нарезает холодные мясные закуски. Мои бабушки и дедушки были иммигрантами из Италии. Мой дед Джозеф Массимино был родом из Лингуагроссы, местечка, расположенного неподалеку от вулкана Этна на острове Сицилия. В 1902 г. Джозеф приехал в Нью-Йорк и в конце концов купил ферму в северной части штата около города Уорик. Там вырос мой отец Марио Массимино. Уехав с фермы, отец перебрался в Нью-Йорк, в Бронкс, где познакомился с моей матерью Винченцей Джанферрата. Ее семья была из Палермо, города на Сицилии, а жили они в Кэрролл Гарденс, итальянском квартале Бруклина. Они с отцом поженились в 1951 г. Ему было 28, а ей — 25, что по тем временам было довольно поздно для женитьбы.

Хотя мой отец никогда не учился в колледже, уже работая, он начал посещать курсы пожарной безопасности в Нью-Йоркском университете и вскоре стал инспектором в управлении пожарной охраны Нью-Йорка. Он занимался предупреждением пожаров — проверял многоквартирные дома и деловые центры на предмет, имеется ли там достаточное количество

огнетушителей, спринклерные системы пожаротушения и аварийные выходы. Он был умным парнем, который хорошо работал и продвигался по карьерной лестнице, пока не стал начальником отдела противопожарной профилактики в управлении пожарной охраны Нью-Йорка. Моя мама растила детей, за что заслуживает медали.

Семья жила в Бронксе, где появились на свет мои старшие сестра и брат. Вскоре после их рождения родители решили уехать из города. Они купили дом № 32 по Коммонвелс-стрит в городке Франклин-Сквер на Лонг-Айленде. Там я и появился на свет 19 августа 1962 г. Брат был на 10 лет старше меня и на три года старше сестры. Я родился в результате оплошности — или, как более мягко говорила мама, «это стало сюрпризом» — моих родителей. Мать всегда повторяла мне, что я пришел в этот мир по какой-то причине, потому что она не собиралась больше иметь детей после рождения моих брата и сестры.

Франклин-Сквер находится неподалеку от Квинса, до него можно добраться по скоростной магистрали Хэмпстед. Когда я был ребенком, по соседству жили в основном американцы итальянского происхождения — Лобакарро, Милана, Адамо, Бруно. Наша семья была большой итальянской семьей. У мамы была только одна сестра Кони, которая жила в Бруклине, но у отца было пять братьев и сестер, которые жили в Квинсе или на Лонг-Айленде. Дядя Фрэнк и тетя Энджи жили рядом с нами через улицу, а дядя Том и тетя Мари — за углом. Дядя Ромео и тетя Энн обитали неподалеку в Колледж Пойнт, в Квинсе. Вокруг меня всегда были дяди и тети, кузены и кузины.

Франклин-Сквер был городом «синих воротничков». Многие люди работали в Нью-Йорке. Несколько человек, про которых никто толком не знал, чем они занимаются, водили огромные «линкольны» и на свадьбах совали тебе в карман целую кучу денег. Некоторые дети уезжали в колледжи, но большинство посещали местные школы и оставались дома. Многие становились полицейскими. Твой отец был полицейским, значит, и ты становишься полицейским — так думали люди. Мой

кузен Питер был чертовски умен, и, когда он поступил в Принстон, моя тетя Салли рыдала, стонала, причитала, умоляя его не ехать, потому что не хотела, чтобы он оставлял семью и уезжал в колледж... в Нью-Джерси*.

Мой мирок был крохотным. Люди не думают о том, чтобы уехать с Лонг-Айленда, не говоря уж о том, чтобы полететь в космос. Отец моего друга Кью был фармацевтом, а мать — школьной учительницей. Он был одним из немногих моих друзей, чьи родители закончили колледж. Родители всегда поощряли меня заниматься тем, чем я хотел, но, будучи пожарным инспектором и домохозяйкой, они мало чем могли помочь мне стать астронавтом.

Больше всего на свете я хотел побывать в планетарии Хейдена и Американском музее естественной истории, и для меня было большим событием, когда родители наконец отвезли меня туда. Я привез домой фотографии планет и книги по астрономии. Но это было мое единственное прикосновение к миру космоса. Как поступить в НАСА или в какой колледж надо идти, чтобы попасть туда, — мне некому было задать эти вопросы. В нашей школе не было научного клуба, где можно было строить и запускать ракеты. Никто из моих друзей не увлекался космосом, это была вещь, которой я занимался в одиночестве. У меня был мой костюм космонавта, астронавт Снупи и библиотечные книги, вот и все. Я даже не знал никого, у кого был бы телескоп.

Но даже если бы у меня и был такой знакомый, все равно я совсем не походил на кандидата, годного для полета на орбиту. Я никогда не летал на самолете. Возможно, я сотворил из астронавтов кумиров отчасти именно потому, что они были такими, каким не был я. Они были бесстрашными искателями приключений, а я — неуклюжим ребенком. К тому времени, когда я перешел в среднюю школу, у меня испортилось зрение. Я был таким высоким и худым, что мог производить на себе научные эксперименты: если кому-то хотелось узнать,

* Штат Нью-Джерси граничит со штатом Нью-Йорк. — *Прим. пер.*

как расположены кости человеческого тела, мне достаточно было снять рубашку и продемонстрировать.

Астронавты, возвращаясь из космоса, оказывались в воде, а я ненавидел воду. Я толком не умел плавать. Поскольку в моем теле совсем не было жира, каждый раз, когда родители брали нас на пляж или в местный бассейн, купание больше напоминало мне ледяную ванну. Еще я боялся высоты. И до сих пор боюсь. Перевеситься через перила, стоя на балконе на четвертом или пятом этаже? Нетушки, спасибо! Я не любил и американские горки. Они меня пугали. Висеть вниз головой? От этого тошнит. Да и кому надо это делать? Ребенком я вовсе не искал острых ощущений.

Я фантазировал, как полечу на Луну, но это была только игра воображения. Сама мысль о том, чтобы действительно вступить в НАСА и отправиться в космос, была настолько неправдоподобной и далекой от моей жизни, что мне трудно было поддерживать свой интерес к ней. Никто из моих друзей этим не интересовался, а мне хотелось проводить время с друзьями. Если они о чем и беспокоились, так это о бейсболе. В те времена во Франклин-Сквер были две бейсбольные лиги, куда можно было вступить: Малая лига, членство в которой стоило \$15, и Полицейский клуб мальчиков, который стоил \$5. В Малой лиге носили приятную на ощупь форму и играли на хорошем поле. В Полицейском клубе мальчиков выдавали футболку и отправляли играть на поле, где были одни сорняки и грязь. Ребята с деньгами играли в Малой лиге, мы с друзьями — в Полицейском клубе мальчиков.

Вскоре я нырнул в бейсбол глубже, чем в изучение космоса. Я все время бросал мяч. Если мне не с кем было играть, я бросал его в столб и мог заниматься этим часами, представляя себя питчером в большой игре. Луна была в 380 000 км от Земли, но до стадиона Шей* было всего 20 минут пути по Лонг-

* На этом стадионе с 1964 по 2008 г. проводила домашние матчи команда «Нью-Йорк Метс». — *Прим. пер.*

Айлендской магистрали. Мы с отцом побывали на множестве игр, чаще всего — вместе с дядей Ромео и кузеном Полом.

С возрастом фантазии о том, чтобы стать астронавтом, прошли. Они горели ярко, но постепенно погасли, как это часто бывает с детскими мечтами. Так произошло со всей страной. Программа «Аполлон» была прекращена в 1972 г. К тому времени весь азарт космической гонки иссяк. Америка победила, и люди двинулись дальше. Двигался вперед и я. Книжки по астрономии вернулись в библиотеку, мой астронавт Снупи переселился на полку, и к пятому классу я почти забыл о космосе. Для такого ребенка, как я, живущего там, где я жил, в такой семье, как моя, сказать: «Когда я вырасту, я хочу быть астронавтом» было то же самое, что сказать: «Когда вырасту, я хочу быть Человеком-пауком».

Как, черт возьми, это можно сделать?

САМЫЙ РАЗНОСТОРОННИЙ

В последний год в старшей школе я подал заявление о приеме в инженерную школу Колумбийского университета, расположенного в Верхнем Вест-Сайде, на Манхэттене. В ноябре я отправился в университет на интервью и, как только приехал, почувствовал, что начинаю понимать, что такое колледж. До этого я думал, что колледж — это такая часть жизни, которая необходима людям, чтобы получить работу. Но, придя в университетский городок в тот прекрасный осенний день, увидев студентов, слоняющихся вокруг без дела или спешащих на занятия, постояв между главным административным зданием и библиотекой Батлера, которые выглядели так, словно сошли со страниц книг о Древнем Риме, я сделал открытие: в колледже люди учатся. Здесь ты становишься кем-то. Раньше у меня никогда не было такого чувства.

Честно говоря, я не знал, стоит ли мне претендовать на школы Лиги плюща*, такие как Колумбийский университет. Я никогда не был самым умным ребенком в классе. Я был хорошим учеником, но никак не гениальным. Мне нравились

* Лига плюща — ассоциация из восьми наиболее старых и престижных университетов восточных штатов США. — *Прим. пер.*

различные науки, особенно математика. Я занимался спортом, но выдающимся спортсменом не был. Моим самым большим талантом было умение общаться с людьми. Я не был среди популярных ребят, но мог поладить с кем угодно. Я был неплохим спортсменом и мог зависать со спортсменами и чирлидерами. Я играл на трубе в оркестре, поэтому знал всех ребят оттуда. Я учился в классе с углубленным изучением математики, поэтому мог проводить ланч с самыми умными детьми в школе. Я входил во множество групп, у меня была куча друзей, и я знал, как ужиться со всеми.

Мне всегда было любопытно, как живут другие люди. Я считал их интересными. Я знакомился с людьми и хотел, чтобы они рассказывали о себе, и это им нравилось. А тот факт, что я мог проводить время с самыми разными людьми, сделал меня очень разносторонним человеком. Я не был самым умным или самым спортивным, я был разносторонней личностью. Именно мой талант ладить с разными людьми заставил меня дерзнуть и подать заявление в такой колледж. На встрече родителей с учителями мистер Стерн, учитель социальных наук в 11-м классе, сказал моим родителям: «Майку стоит подать заявление в школу Лиги плюща. Думаю, у него получится». Вернувшись домой, они рассказали мне о словах учителя, и тогда я впервые подумал о Колумбийском университете.

Я подал заявление о приеме, но не рассчитывал, что поступлю. Еще я подал заявления в пару колледжей на Лонг-Айленде и был убежден, что ими-то все и кончится. Несколько месяцев спустя в один прекрасный день я был дома и сидел в туалете, когда мама постучала в дверь: «Тебе пришло письмо из Колумбии». Она просунула конверт под дверь, и я вскрыл его. Прочтя слово «Поздравляем!», я завопил. Осенью мне предстояло отправиться в Колумбию!

Колумбийский университет открыл для меня новый мир. Я был всего в нескольких километрах от дома, но чувствовал себя так, будто прилетел на Марс. Здесь были студенты из разных стран, из самых разных частных школ. Даже Барак Обама